

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК: 82.0

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-45-52

ИГРА В ДРЕВНЮЮ РУСЬ: ЖАНРОВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ БОРИСА АКУНИНА В ПОВЕСТИ «БОХ И ШЕЛЬМА»

Архангельская А. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть эксперименты с жанрами (или типами текстов) древнерусской литературы в повести Бориса Акунина «Бох и Шельма», входящей в авторский «литературный конвой» проекта «История Российского государства».

Процедура и методы. В ходе исследования выявляются и анализируются жанровые определения, которые автор даёт отдельным главам повести и которые прямо или косвенно соотносятся с древнерусской системой жанров (типов текстов).

Результаты. В результате исследования обращается внимание на игровой характер большинства жанровых определений, использованных Борисом Акуниным в качестве заголовков к разделам повести «Бох и Шельма». Игровое начало проявляется в форме игры слов, обмана читательских ожиданий, контраста на уровне формы и содержания и под ними.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение теории и практики современного литературного процесса.

Ключевые слова: Борис Акунин, история, Древняя Русь, «История Российского государства», жанры, постмодернизм

BORIS AKUNIN'S GENRE EXPERIMENTS IN THE STORY "BOH AND SHELMA"

A. Arkhangelskaia

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory ul., Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this work is to consider experiments with genres (or types of texts) of Old Russian literature in Boris Akunin's story "Boh and Shelma", which is part of the author's "literary convoy" of the project "History of the Russian State".

Methodology. In the course of the research, genre definitions are presented and analyzed, which are given to individual chapters of the story by the author and which directly or indirectly correlate with the Old Russian system of genres (types of texts).

Results. As a result of the study, attention is paid to the playful nature of most of the genre definitions used by Boris Akunin as headings to the sections of the story "Boh and Shelma". The playful beginning is manifested in the form of a play of words, deception of readers' expectations, contrast at the level of form and content, etc.

Research implications. The results of the research contribute to the study of the theory and practice of the modern literary process.

Keywords: Boris Akunin, history, Old Russia, "History of the Russian state", genres, postmodernism

© CC BY Архангельская А. В., 2021.

Введение

Борис Акунин – писатель, склонный к жанровым экспериментам, о чём свидетельствуют и его проект «Жанры», заявленный как «инсектариум», в котором каждый жанр представлен одним авторским образцом, и менее демонстративные опыты в беллетристике, в том числе и в «серьёзной»¹ – например, в саге «Семейный альбом». Рассмотрим с этой точки зрения повесть «Бох и Шельма», входящую во второй том «литературного конвоя» – беллетристического сопровождения акунинского исторического сочинения «История Российского государства». Том посвящён эпохе зависимости Руси от монголов, – его сопровождает второй том исторического сочинения «Ордынский период» – и включает в себя две повести, действие которых происходит, соответственно, в начальный и последний периоды ордынского господства.

Повесть «Бох и Шельма» уже привлекала к себе внимание исследователей. Так, И. А. Суханова обращала внимание на сходство персонажей и ситуаций, описанных в этой повести, с таковыми в романе Умберто Эко «Баудолино» [8]; специфике жанровой природы повести, главным образом в аспектах, связанных с трансформацией европейских жанровых форм, посвящена статья О. И. Плешковой [4]; упоминается повесть и в обзорных работах, посвящённых акунинскому проекту в целом [6; 7]. Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов и А. В. Снигирев, характеризуя жанровую специфику литературной части проекта, замечают, что «автор сознательно ориентирует массового читателя на излюбленный и проверенный в современной литературе жанр “love story” (сразу оговоримся – в вариантах “любовный роман”, “любовно-авантюрный”, “любовный роман в исто-

рическом антураже», но не “женский”, “розовый”, “дамский” и т. д.)» [5, с. 309]. Стоит отметить также, что игра с литературными жанрами отмечается исследователями в качестве характерной особенности не только беллетристической, но и собственно исторической части проекта. Так, О. Ю. Осьмухина и А. Д. Карпов замечают, что «прозаик в “Истории...” аккумулирует разнообразие жанровые элементы (от мифов до пикареского романа), расширяя авторскую стратегию, успешно балансируя на грани объективированного и субъективированного повествования, превращая серию в своеобразное продолжение своей беллетристики» [3, с. 45].

Нашей целью является рассмотрение экспериментов с жанрами (или типами текстов) древнерусской литературы в повести Б. Акунина «Бох и Шельма». В ходе исследования выявляются и анализируются жанровые определения, которые автор включает в заголовки отдельных глав повести и которые прямо или косвенно соотносятся с древнерусской системой жанров, а также их контекст как в структуре заголовков, так и в аспекте содержания главы или повести в целом.

Повесть Б. Акунина «Бох и Шельма» и жанр плутовского романа

В качестве основного в повести используется жанровый канон западноевропейского плутовского романа. Главный герой – новгородец Яшка Шельма, «ничей сын, отца-матери не помнил, родни не имел»² – типичный пикаро, который стремится к тому, чтобы с выгодой для себя обмануть ближнего и выйти сухим из любой переделки, а история его жизни, начавшейся в бедности и безвестности, но в конечном счёте пришедшей к определённому социальному и материальному благополучию, а также к выгодному браку и льготам от власть имущих, – типичный сюжет подобных произведений. В Западной Европе плутовской роман выделяется историками литературы с XVI в. [2, с. 110], хотя подобные герои были

¹ «Серьёзными» я называю романы невежливые, т. е. не старающиеся понравиться читателю», – так писал Б. Акунин в своём блоге в связи с выходом романа «Другой путь» из саги «Семейный альбом». См.: Акунин Б. Любовь к истории: блог Бориса Акунина // LiveJournal: [сайт]. URL: <https://borisakunin.livejournal.com> (дата обращения: 10.04.2021).

² Акунин Б. Бох и Шельма: повести. М.: АСТ, 2015. С. 148.

представлены ещё в эпоху Средневековья; в оригинальной русской традиции первым героем такого типа исследователи обычно называют Фрола Скобеева, заглавно персонажа анонимной повести рубежа XVII–XVIII вв.¹ Неслучайно говорится о новгородском происхождении Яшки, поскольку он представляет собой русскую рецепцию западного плута и хитреца, которому сподручнее всего было появиться именно в этом регионе, наиболее тесно связанном с Западной Европой торговыми, а потому значительно более крепкими, чем военные или иные политические, связями. В результате с Шельмой в цикл приходят, с одной стороны, новгородская тема, чрезвычайно актуальная для следующего тома, а именно для романа «Вдовый плат», и проблемы выбора между «ордынской» и «европейской» моделями российской государственности в XV в.², а с другой – тема «европеизации по-русски», т. к. побывавший в Европе Яшка всё равно остаётся именно русским плутом, что неоднократно подчёркивается и им самим, и его нанIMATEлем немецким купцом Бохом.

Заголовки повести Б. Акунина «Бох и Шельма»: игра в Древнюю Русь

В заголовке повести обыгрывается русская народная пословица «Бог шельму метит»: из повести мы узнаём, что именно Бох³

¹ «Фрол действительно плут, пикаро, и повесть о нём – первый русский плутовской роман» [2 с. 213].

² В одном из интервью Акунин говорил: «Новгород Великий очень меня интересует. Сейчас я много про него читаю, интересует опыт новгородской демократии, новгородской республики и новгородский путь как несостоявшийся путь развития России». См. Акунин Б. «Меня интересует Новгород Великий... как несостоявшийся путь развития России»: интервью от 28.02.2013 // Новгород: Городская еженедельная газета: [сайт]. URL: <https://gazetanovgorod.ru/arkhiv/gazetanovgorod/8710-boris-akunin-menya-interesuet-novgorod-velikij-kak-nesostoyavshijsya-put-razvitiya-rossii.html> (дата обращения: 09.04.2021).

³ О. И. Плешкова обращала внимание на то, что Бох в этой повести сближается с образами булгаковского Воланда и гётевского Фауста, представляя собой «художественное воплощение функции дьявола» [4, с. 447]. С нашей точки зрения, мнение это дискуссионное, но достаточно любопытное.

ставит на лоб Яшке клеймо, представляющее собой букву S – первую букву немецкого слова Schelm⁴, которое тот впоследствии берёт в качестве прозвища за звучность и непривычность для русского уха и явно придаёт ему совсем другое, противоположное значение: «Если ты объявляешь себя просто Яшкой – ясно, что человечишко ты мелкий. Иное дело – “Яков Шельма” – хоть боярину в пору»⁵. Таким образом, плута Шельму действительно метит (физически и номинативно), но не Бог, а купец Бох и, как оказывается, не только клеймом и именем, но и своим вниманием и даже своеобразной привязанностью, приводящими героя в конечном счёте к типичному для пикаро материальному и социальному благополучию. Таким образом, фраза, сопровождающая клеймение: «Чтобы каждый раз, глядя на себя в зеркало, ты знал, кто ты есть и как тебя на самом деле зовут. И Боха не забывал»⁶, – оказывается пророческой. Благополучие жизни Яшки устраивает не Господь, но немецкий купец – рационалист, любопытствующий от скуки, куда может завести плута его хитроумная голова, и в конечном итоге берущий своё, но и Яшку не оставляющий ни с чем.

Такой же игровой характер имеют заголовки отдельных глав повести. Каждый из них включает своё жанровое определение, причём большая их часть восходит к древнерусской системе жанров (или типов текстов – при имеющейся сложности использовать классические теоретические понятия применительно к литературной системе, функционирующей, как это признаёт большинство исследователей, по особым законам, в рамках которых обозначение этого материала как литературы также возможно с известной долей условности⁷): «житие»,

⁴ Заимствование слова «шельма» из средневерхне-немецкого (schēlme) или нововерхне-немецкого (Schelm) языка (прямо или через западнославянское посредство) констатируется этимологически в словарях, но обычно относится к существенно более позднему – петровскому – времени.

⁵ Акунин Б. Бох и Шельма: повести. М.: АСТ, 2015. С. 152.

⁶ Там же.

⁷ Об относительной применимости термина «жанр»

«поучение», «слово», «чудо», «видение», «хождение», «плач». Сюда же можно отнести «повесть», поскольку это слово используется именно в том значении, в каком оно функционирует, например, в заголовках большинства древнерусских воинских повестей, в частности, посвящённых монгольскому нашествию. Один фрагмент называется «сказом», что вызывает ассоциации скорее с фольклором, чем с литературой; эти ассоциации усиливаются упоминанием здесь же «доброего молодца» и «красной девицы». И, наконец, есть глава, которая называется «дастаном» и таким образом актуализирует восточную средневековую фольклорную и литературную традицию, значимую в связи с основной темой повести, рассказывающей о Куликовской битве – сражении русских с монголо-татарами, и с ордынской темой, важной не только для этой повести и даже не только для этого тома.

Заголовок может быть построен на оксюмороне, как в первой главе «Житие несвятого Иакова», рассказывающей предысторию жизни главного героя – плута, обманщика и мошенника – как антижитие. Показательно, что имя Иакова герой выбирает себе сам (в отличие от традиционных для житийной литературы историй о провидческом наречении имени), но в связи с библейским чтением о лестнице святого Иакова (вроде бы в русле житийной топике), однако тоже как бы от противного: параллелью к лестнице, ведущей на небо, оказывается детский сон самого Яшки, увидевшего во сне совсем иную, нарочито материальную, золотую лестницу и потянувшегося «потрогать, а получится, так и себе забрать»¹. Название может содержать в себе отсылку к известному древнерусско-

му тексту: глава «Хождение за три степи» рассказывает о бегстве Яшки из ставки Мамая через ногайскую, азакскую и задонскую степи, т. е. о возвращении на Русь из Орды маршрутом, отчасти противоположным описанному в тексте, к которому отсылает заголовок, но в то же время столь же поликультурным, поскольку это путешествие сталкивает героя с представителями самых разных народов и социальных слоёв и показывает, насколько – в отличие от Афанасия Никитина – Яшка склонен к мимикрии и перевоплощениям в таких условиях. Наконец, название может содержать в своей основе игру слов: рассказ собственно о Куликовской битве называется «Повесть о неправде на Непрядве». Это название проясняется опять-таки размышлением самого Яшки, который «думал, что в мире всё стоит на неправде. Истинный победитель татар вон в траве валяется, рачительные мужики с него уж и порты с сапогами сняли. И про сечу эту на Куликовом поле, на Непрядве-реке, тоже потом всё переврут. Станут чувствовать одних, кого, может, и не за что, а тех, кого надо бы, и не вспомнят»². Эта тема отсылает одновременно и к рассуждениям в «Истории Российского государства» о противоречиях в сообщениях различных древнерусских повестей, рассказывающих об этом сражении, поскольку его значение «для Руси было очень велико, и хроникёрам хотелось его ещё больше возвысить»³, и к более общей теме неоднозначных трактовок и интерпретаций различных событий в древнерусских источниках, неоднократно поднимаемой в историческом сочинении. Однако размышления героя на столь значимую и в каком-то смысле вечную тему заканчиваются – неожиданно для темы, но ожидаемо для героя-плута – удивительно легко: «Ладно. Не нами мир поставлен, не нам его и бранить. Особенно если он в твою пользу неправдствует»⁴.

к древнерусскому материалу писали А. М. Ранчин, В. М. Живов, Р. Пиккио, Г. Ленхофф и др. См., напр.: «Принципы, противопоставляющие различные виды текстов, оказываются расплывчатыми и неоднозначными, и эта неоднозначность обусловлена не столько неадекватностью наших аналитических процедур, сколько отсутствием риторического классифицирующего принципа в установке их авторов. В силу этого мы можем классифицировать тексты по их функции, но не по жанровым признакам» [1, с. 322].

¹ Акунин Б. Бох и Шельма: повести. М.: АСТ, 2015. С. 150.

² Там же.

³ Акунин Б. История Российского государства: Ордынский период. М., 2015. С. 292.

⁴ Акунин Б. Бох и Шельма: повести. М.: АСТ, 2015. С. 281.

Обман читательских ожиданий в заголовках повести Б. Акунина «Бох и Шельма»

В более сложных случаях можно говорить о разных формах обмана читательских ожиданий. Так, «Поучение мудрого хитрому» вместо ожидаемого в древнерусском контексте контраста мудрости и глупости (или – в худшем случае – мудрости и храбрости) противопоставляет мудрость хитрости, но в самой главе противопоставление сменяется – и снимается – синтезом немецкой мудрости и русской хитрости – двух необходимых составляющих успеха в деле, задуманном Бохом. Именно в этой главе рационалист и купец Бох декларирует своё жизненное кредо, согласно которому две постоянно борющиеся в мире силы – это не Бог и Дьявол, и не Добро и Зло, но Торговля и Война: «Когда в мире правит Война, он превращается в ад. Нет законов, покоя, доброты, понимания, созидания. Лишь разрушение, разорение, глумление, страдание, голод и смерть. Если же правит Торговля, жизнь не становится раем, но делается сносной и разумной»¹. «Слово о дальних странствиях» рассказывает даже не обо всём, а только о части путешествия героев из Новгорода в Орду и обратно; при этом «слово» (наряду с «повестью» и «сказанием») – не только один из распространённых заголовков древнерусских текстов, но и обозначение собственно типа текста, рассказываемого вслух (будь то церковная проповедь или «Слово о полку Игореве»). В данном случае это определение ожидаемо и вызывает ассоциации с рассказами путешественников Нового времени, но то странствие, которое описывается в главе, не сравнимо по масштабу с путешествиями, которые уже доводилось совершать каждому из главных героев повести, а в описаниях «дальних странствий» преобладают эпизоды, в которых Яшка стремится обеспечить своему покровителю максимальный комфорт, сводящий на нет трудности дороги, а верный слуга Габриэль,

бывший кат, не ведающий жалости и снисхождения, готов в любой момент гарантированно защитить от любого нападения. И то, и другое превращает странствие фактически в прогулку, не требующую от путешественника усилий, а впечатления от внешнего мира практически не попадают в поле зрения Яшки, которого гораздо больше занимают история страшного телохранителя и удивительные пушки – бомбасты, которые Бох везёт «канцлеру фон Мамаю»².

Три главы повести в заголовках вроде бы актуализируют мотив чудесного, однако и это оказывается прежде всего обманом читательских ожиданий. «Чудо о волшебной змее» на самом деле рассказывает о златокованом поясе, инкрустированном алмазами и другими драгоценными камнями, только с первого взгляда напомнившим Яшке змею и впоследствии ставшем неизменным предметом его корыстного вождения, т. е. оказывается, что нет ничего чудесного и тем более волшебного, а только лишь вычурная тонкая работа и добрый материал. В «Дастане о заколдованной деве», действительно, упоминается созданное Яшкой от скуки сочинение собственного дастана о том, как он, храбрый багатур, непременно освободит из колдовского плена печальную красавицу, томящуюся в зачарованной башне, но практически сразу оказывается, что рационально мыслящий плут мечтает таким образом не о прекрасной и возвышенной любви, а, как обычно, о материальном благополучии: о том, «как бы добыть несказанную змею–красу»³. Наконец, «Видение о благодарных душах» оказывается историей о том, как, подпоив страшного Габриэля сладким венгерским вином с намешанным в него сонным зельем исфаганского купца, Яшка ворует алмазный пояс и бежит из ставки Мамаю. Но пространственный эпизод повести содержит диалоги, которые ведёт пьяный Габриэль с являющимися ему душами казнённых им людей, благодарных ему за избавление от земной жизни: «Бросьте, не целуйте мне руки. ... Поняли

¹ Акунин Б. Бох и Шельма: повести. М.: АСТ, 2015. С. 164.

² Там же. С. 182.

³ Там же. С. 199.

наконец, что так для вас же лучше? А как кричали, как меня проклинали! “Не губи! Смилуйся!” Теперь сами рады. Здесь-то лучше, правда?»¹ Страшный лютый человек становится совсем не похож на себя, «лепестал несвязное, улыбался»², и говорит о себе: «Я только меч в его руке»³. И Яшка в этот момент понимает, что даже здесь Габриэль превосходит других: «Наверное, всякому кату иногда хочется, чтобы его простили. А Габриэлю, вишь, даже спасибо говорят»⁴.

В наибольшей же степени игровой характер заголовок приобретает в главе «Сказ о добром молодце и красной девице». Она представляет читателю князя Глеба Ильича Тарусского и его невесту красавицу Степанию Карповну, которые, как опять-таки выяснится впоследствии, соответствуют только внешне амплу «доброего молодца» и «красной девицы» и на роль главных героев сказки претендовать категорически не могут. Значимо, что в отличие от сказки, где внешняя красота главного положительного героя никогда не оказывается единственной его / её характеристикой и практически всегда сопрягается с интеллектуальным совершенством (а глупость как раз оказывается типичной чертой героев отрицательных), и Глеб Тарусский, мечтающий о славе, но способный для этого только довольно бездарно погибнуть, и его невеста, мечтающая о замужестве и материальном достатке и переживающая из-за попорченного подвенечного платья едва ли не больше, чем из-за гибели суженого, являют собой идеальную пару только внешне и поэтому не могут принадлежать друг другу, так что после смерти Глеба Степанию практически сразу соглашается на брак с Яшкой, который, конечно, некрасив, но зато чрезвычайно красиво говорит. И новгородский плут, говоривший про себя «я – мотылёк, с резеды на василёк. Нынче здесь, завтра

там, и всегда на солнышке»⁵, и тарусская боярышня, которая, по словам её отца, «бабочка луговая. Ей бы порхать с цвета на цвет, а более ничего не нужно»⁶, как оказывается, гораздо лучше подходят друг другу и по сути характеров, и по представлениям о жизни, вот только этот финал не свойствен сказке.

Последняя глава повести называется, как это и должно быть и в перспективе отдельной частной человеческой жизни, и в масштабах всей цивилизации, апокалиптически: «Плач о Страшном Суде и неотвратном воздаянии». Однако и здесь речь идёт всего лишь о частном Яшкином наказании, которое резко контрастирует с практически эсхатологическими ожиданиями героя («Страшный Суд – вот он где, а не там, на поле мертвецов. Ибо Страшный Суд – это когда судят не кого-то другого, а одного только тебя. И нет ни исхода, ни надежды»⁷). В действительности же новая встреча с купцом Бохом и его страшным телохранителем оборачивается для Яшки не гибелью от руки его смертельного врага Габриэля, а новым возвращением к жизни, причём на этот раз – к жизни вполне благополучной, обеспеченной, уважаемой, семейной и несомненно счастливой. Показательно, что этот эпизод начинается совершенно апокалиптической картиной внезапно налетевшей стихии: «И потемнел вдруг белый свет, и стал серым. А потом чёрным. Это откуда ни возьмишь налетела буря, засвистел ветер, из тёмной тучи, придавившей землю, хрустнуло громом, ослепило молнией. ... У боярина сдуло с головы шапку, у Степанию лазоревый платок, и побежали они догонять пропажу; всхрапнули лошади, укатили коляску вместе с согнувшимся возницей; ускакал, бешено трясся гривой, Яшкин конь»¹. Здесь нарочито нагнетаются различные эсхатологические образы: мрак, смена белого чёрным, гром и молния, разгул стихии, бешенство коней и т. д., но одновременно – бытовые детали (сдутые ветром головные уборы, которые –

¹ Акунин Б. Бох и Шельма: повести. М.: АСТ, 2015. С. 210.

² Там же. С. 212.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 212.

⁵ Там же. С. 147.

⁶ Там же. С. 293.

⁷ Там же. С. 297.

наверняка это выглядит комично, даже если не описывается, – отправляются ловить спутники Яшки, оставляя его наедине с его Судией – купцом Бохом – и его верным оруженосцем Габриэлем, который в этот момент видится герою чуть ли не ангелом мести). И когда уже совсем ожидающий лютой смерти Яшка вдруг слышит хихикание, которое переходит в хохот, этим хохотом разрешается судьба героя-плута, повествование о котором снова возвращается в привычную сниженную речевую тональность.

Тем любопытнее оказывается финал повести, когда, расставаясь навсегда, Бох вверяет Яшку Богу, произнося на прощание: «Иди себе с Богом»², так что Шельма, привыкший странствовать то с Бохом, то от Боха, одновременно и чувствующий свою особую связь с необычным немецким купцом, и стремящийся считать её исключительно коммерческой, и оказывающийся не в силах её разорвать, вместо наказания получает от своего покровителя и признание в любви («Я люблю цепких»³), и совет заниматься торговлей и устроить ко благу свою семейную жизнь, и благословение, вверяющее его Творцу всего сущего и фактически заканчивающее плутовскую интригу намёком на полностью иное качество жизни героя за гранью повествовательного текста, выстроенного по законам пикарески.

Заключение

Повесть Б. Акунина «Бох и Шельма» представляет собой яркий игровой эксперимент писателя с древнерусской системой жанров (типов текстов). Жанровые определения, в большинстве случаев восходящие к древнерусской словесности, входят в состав заголовков разделов повести. Акцентирование читательского внимания на значимых для писателя смыслах осуществляется при помощи отсылок к устойчивым словосочетаниям и выражениям, восходящим к фольклору или литературе Древней Руси, использования оксюморона или игры слов, обмана читательских ожиданий. В результате текст формально приобретает признаки, сближающие его с древнерусскими литературными произведениями, но фактически в основном своём содержании принципам средневековой литературы противостоит, что лишает его временных характеристик и актуализирует ахронические и даже вечные смыслы. Это важно и для писателя-публициста, ищущего в историческом прошлом ответы на вопросы дня сегодняшнего, и для беллетриста-постмодерниста, играющего с формой и распространяющего эту игру в том числе и на древнерусские жанры.

Статья поступила в редакцию 19.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с.
2. Кожин В. В. Происхождение романа: теоретико-исторический очерк. М.: Советский писатель, 1963. 439 с.
3. Осьмухина О. Ю., Карпов А. Д. Репрезентация исторического процесса в «Истории Российского государства» Бориса Акунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 41–46.
4. Плешкова О. И. Пародическая трансформация жанровых традиций в повести Б. Акунина «Бох и Шельма» // Мир науки, культуры, образования. 2016 г. № 6 (61). С. 446–449.
5. Снигирева Т. А., Подчиринов А. В., Снигирев А. В. История как «love-story» в интерпретации Б. Акунина // Пушкинские чтения 2016: художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 06–07 июня 2016. СПб.: Изд-во ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2016. С. 308–314.

¹ Акунин Б. Бох и Шельма: повести. М.: АСТ, 2015. С. 296–297.

² Там же. С. 301.

³ Там же. С. 300.

6. Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В. Специфика дискурсивных практик в проекте Б. Акунина «История Российского государства» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 3. С. 162–171.
7. Снигирева Т. А., Снигирев А. В. Б. Акунин: игра с именем (на материале беллетристических сопровождений к «Истории Российского государства») // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 234–242.
8. Суханова И. А. Уроки интертекста от Умберто Эко. Ч. 2 // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 4. С. 74–81.

REFERENCES

1. Zhivov V. M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in the field of history and prehistory of the Russian culture]. Moscow, Yazyky Slavianskoy Kultuti Publ., 2002. 758 p.
2. Kozhinov V. V. *Proiskhozhdenie romana: Teoretiko-istoricheskii ocherk* [The origin of a novel: A theoretical and historical sketch]. Moscow, Sovetskii pisalei' Publ., 1963. 439 p.
3. Os'mukhina O. Y., Karpov A. D. [Representation of the historical process in the "History of the Russian State" by Boris Akunin]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and practice], 2020, no 3, vol. 13, iss. 7, pp. 41–46.
4. Pleshkova O. I. [Parodic transformation of genre traditions in B. Akunin's story "Boh and Shel'ma"]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture and education], 2016, no 6 (61), pp. 446–449.
5. Snigireva T. A., Podchinenov A. V., Snigirev A. V. [History as "love-story" in B. Akunin's interpretation]. In: *Pushkinskie chteniya 2016: khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy 21 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 06–07 iyunya 2016 g.* [Pushkin Readings 2016: Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text: materials of the 21st International Scientific Conference, St. Petersburg, 06–07 of June, 2016, St. Petersburg, 06–07 June 2016], St. Petesburg, Leningrad State University named after A. Pushkin Publ., 2016, no. 1, pp. 308–314.
6. Snigireva T. A., Podchinenov A. V., Snigirev A. V. [Specific features of discursive practices in B. Akunin's project "History of the Russian State"]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2016, no 3, pp. 162–171.
7. Snigireva T. A., Snigirev A. V. [B. Akunin: playing with a name (based on fictional accompaniments to "History of the Russian State")]. In: *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Philological bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity], 2016, no. 2, pp. 234–242.
8. Sukhanova I. A. [Intertext lessons from Umberto Eco. Part 2]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Philological bulletin of Verkhnevolzhsk], 2017, no. 4, pp. 74–81.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архангельская Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: arhanna@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Arkhangel'skaya – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Literature's History, Lomonosov Moscow State University;
email: arhanna@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Архангельская А. В. Игра в Древнюю Русь: жанровые эксперименты Бориса Акунина в повести «Бох и Шельма» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 4. С. 45–52.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-45-52

FOR CITATION

Arkhangel'skaya A. V. Boris Akunin's Genre Experiments in the Story "Boh and Shelma". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 45–52.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-45-52